

В. В. Лапаева¹

ПРИВАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ: АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

В настоящее время все мы переживаем переломный момент в общемировом культурном развитии, который ознаменован крахом социалистической системы, претендовавшей на создание привлекательной для всего человечества модели общества будущего. Суть этой модели, ее теоретическая квинтэссенция, полностью воплотившаяся на практике (что лишает смысла все разговоры о каком-то еще возможном «хорошем» социализме), состояла в уничтожении частной собственности и создании экономики на базе обобществления средств производства. Поэтому главным инструментом слома социалистической системы стала приватизация так называемой социалистической собственности. После первой, самой мощной волны приватизации, пришедшейся на 1990-е годы, прошло уже 20 лет.

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Типы правового сознания: правовая теория и практика», «Вопросы права в “Капитале” К. Маркса», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Право и многопартийность в современной России», «Право и политика: из научной публицистики»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права». Ответственный редактор и соавтор «Комментария к Федеральному закону “О политических партиях”», сборника «Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития». Советник Конституционного Суда РФ. Член редколлегии журнала «Социс». Награждена Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

Однако до сих пор это общечивилизационное по своим масштабам и последствиям событие, обозначившее водораздел между разными историческими эпохами (до и после социализма), не стало предметом серьезного научного анализа и широкого общественного обсуждения.

Данное обстоятельство во многом обусловлено тем, что отношение к приватизации социалистической собственности зависит от понимания места и роли социализма в общечивилизационном прогрессе человечества. А в этом вопросе существует уже упрочившийся в веках раскол позиций между левой идеей отрицания частной собственности, которая не утратит своей актуальности до тех пор, пока собственность на средства жизнеобеспечения не будет доступна каждому человеку, и правой идеологией, увязывающей свободу с наличием частной собственности. Для преодоления этого раскола, исключающего возможность конструктивного диалога, необходима теория, которая способна диалектически снять антагонизм между противниками и сторонниками частной собственности. С позиций такого подхода я и хотела бы рассмотреть поставленную проблему.

Если оставить в стороне уже утратившие научную актуальность постмодернистские представления

о безвекторном (хаотичном) движении истории и согласиться с тем, что основное направление общечивилизационного развития задано продвижением человечества по пути к свободе, то вопрос можно поставить так: «Является ли социализм ошибкой истории или это некий промежуточный этап на пути к большей свободе, который подготовил почву для возможного рывка?». Признание социализма исторической ошибкой означает, что для возврата на путь капиталистического развития «все средства хороши», главное — сделать это как можно быстрее. Если же исходить из того, что «история не делает таких эпохальных ошибок»¹, то надо интерпретировать социализм как строй, содержащий в себе потенциал для перехода не к коммунизму (жизнь показала, что этот путь заблокирован), а к какому-то иному, принципиально новому обществу устройству.

Чтобы понять, о каком обществе может идти речь, необходимо прежде всего ответить на вопрос о том, почему возврат на рельсы капиталистического развития сталкивается с такими серьезными, а для ряда стран (в том числе и для России) скорее всего непреодолимыми трудностями. Вопрос, на который надо ответить, звучит так: «*Можно ли ожидать, что в обозримой перспективе на базе проведенной приватизации сформируется нормальная рыночная экономика и адекватные ей политико-правовые формы?*». Этот вопрос с разной степенью интенсивности актуален для всех постсоциалистических стран. Рассмотрим его на примере российского опыта.

В настоящее время у нас и во властных структурах, и в научном сообществе, по-видимому, преобладает оптимистическая оценка перспектив капиталистического развития страны. В целом сложилось представление о том, что в России уже существуют все формальные атрибуты рыночной экономики — частная собственность, господствующие позиции негосударственного сектора, рыночная инфраструктура и т. д. Созданы и формальные институты демократии, которые, правда, носят еще имитационный характер. При этом неразвитость демократических институтов, их несоответствие существующим в этой области международным стандартам оцениваются по-разному.

Сторонники теорий евразийства, византийства и иных подобных идеологических конструкций, обосновывающих политико-правовую самобытность России, считают, что западная модель правовой демократии, в основе которой лежит принцип приоритета прав человека, не адекватна российской ментальности, ориентированной на приоритет общественных и государственных ценностей. Они полагают, что рыночную экономику в России надо строить с опорой на авторитарные инструменты управления, и любят при этом ссылаться на Китай. Однако такой подход не учитывает, что *демократические институты являются имманентным элементом рыночной экономической системы*. Хорошо изученный правовой опыт Запада (чего нельзя сказать о правовой практике современного Китая) свидетельствует о том, что принципиально

важный для рыночной экономики баланс между свободным развитием экономических отношений и их публично-правовым регулированием может быть найден только на основе реальной политической конкуренции. Как показывает практика, именно живая многоканальная связь экономической подсистемы общества со всеми иными социальными подсистемами за счет механизмов парламентского представительства социальных интересов способна обеспечить нормальное развитие цикличной по своей природе рыночной экономики. Без политической конкуренции, главным признаком которой является периодическая ротация властных элит по итогам демократических выборов, невозможно уловить тот момент, когда перекося в сторону слишком «свободного» рынка означает поворот к монополизации экономики либо, напротив, когда чрезмерное вмешательство со стороны государства начинает блокировать развитие частной инициативы. А значит, невозможно обеспечить экономическую конкуренцию (основу рыночной экономики), даже если властные элиты будут искренне к этому стремиться. Экономика, функционирующая в отсутствие демократии, — это скорее всего лишь имитация рыночной экономики. Возможно, что в течение какого-то периода она может быть эффективной за счет привходящих, то есть не относящихся к самой экономике, внешних факторов. Но подобный исторически случайный опыт не поддается воспроизведению и не может быть взят за ориентир.

Другие оптимисты, полагающие, что можно выстроить рыночную экономику на базе уже сложившихся отношений собственности, считают, что для этого необходимо лишь обеспечить надлежащую демократическую инфраструктуру, то есть создать независимую и некоррумпированную судебную систему, вырастить «класс неподкупных, добросовестных и высококомпетентных управленцев»², сформировать представительную власть, способную к адекватному законодательному выражению социальных интересов и т. д. Но они не учитывают, что *демократия как политико-правовая форма опосредования капиталистической экономики выросла из преодоления феодального симбиоза власти и собственности*. Этот процесс не был, а возможно, и не мог быть доведен до конца в рамках капиталистической системы, что в значительной мере обуславливает известные недостатки современной демократии. Но данное обстоятельство не меняет того, что демократические институты формируются только на базе разграничения власти и собственности и что степень демократии определяется мерой такого разграничения. Между тем приватизация, проведенная в России в 1990-е годы, привела как раз к слиянию власти и собственности.

Неверно думать, что социалистическая административно-командная система была тем симбиозом власти и собственности, от которого мы ушли благодаря разгосударствлению общенародной собственности путем ее приватизации. Для такого симбиоза нужна была реальная собственность, соответствующая экономическому и правовому смыслу данного понятия.

¹ Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С. 137.

² Неэкономические грани экономики: непознанное взаимодействие / науч. ред. О. Т. Богомолов. М., 2010. С. 23.

Но социалистическая собственность, как писал академик В. С. Нерсесянц, — это не собственность в строгом смысле слова, а сплав «монополии коммунистической политической власти с монополией хозяйской власти... централизованный фонд производительных сил страны (включая и самих производителей), находящийся в ведении монопольной коммунистической власти»¹. Отсюда следует, что социалистическое государство было не субъектом права собственности, но лишь «деспотическим представителем общества, который распоряжается общественным достоянием не на основе права и не в правовых (и экономико-правовых) формах, а посредством диктаторских, принудительно-командных методов и средств»².

Так называемая социалистическая собственность принадлежала не государству, а народу. Именно благодаря приватизации была изменена природа социалистической квазисобственности, и она впервые на самом деле — в экономико-правовом смысле — была огосударствлена: государство наравне с созданными им другими частными собственниками стало полноценным субъектом рыночных отношений. Таким образом, *приватизация как неправовая форма десоциализации общенародной собственности означала не разгосударствление этой собственности, а, напротив, ее огосударствление*. А поскольку государство в лице своей бюрократии создавало новых собственников по своему усмотрению (иное при такой модели десоциализации собственности просто невозможно), то слияние власти и собственности было неизбежным. Избранная же при этом самая неправовая, то есть самая произвольная, самая пренебрежительная к интересам большинства граждан, схема приватизации³ лишь усугубила неправовой характер демонтажа социалистической экономической системы, но не породила его.

С позиций такого подхода пресловутая российская коррупция — это всего лишь верхушка айсберга, точнее — видимая часть того краеугольного камня, который лежит в основе нашей экономики, а именно *неофеодального симбиоза власти и собственности*. Подобная основа нынешней экономической системы порождает нелегитимность собственности, зависимость крупных собственников от власти, непрекращающийся передел собственности, бегство капитала из страны и неизбежно вытекающие из этого негативные последствия для социально-экономического развития России. Неофеодальная основа отношений собственности во многом предопределяет и соответствующие ей политико-правовые формы. Во многом, но не во всем, что оставляет надежду на развитие.

Если оценивать ситуацию с большой долей мрачного оптимизма, то можно сказать, что эта надежда связана с тем, что с точки зрения уже известной логики исторического развития от социалистического рабства через неофеодализм в принципе можно когда-нибудь

¹ Нерсесянц В. С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001. С. 10.

² Там же.

³ По классификации Мирового банка российская приватизация обозначена как инсайдерская (См.: Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. 2-е изд. М., 2010. С. 336).

прийти к капитализму. Но у России нет возможности, как прежде, веками «вариться в собственном котле». Если наша страна в ближайшее время не впишется в процессы глобализации с присущей им универсализацией политико-правового развития, то ее место в глобальной экономике будет определяться потребностями других стран в природных ресурсах.

Сказанное означает, что движение к реальной демократии надо начинать уже сейчас. А параллельно с этим на развивающиеся демократические институты надо предпринимать возможные шаги, направленные на *разграничение власти и собственности*. Для этого прежде всего необходимо начать общественную дискуссию, по итогам которой можно было бы нащупать контуры приемлемого на данный момент *общественного договора о собственности*. Это очень трудный, а возможно и взрывоопасный дискурс, успех которого в немалой степени будет зависеть от научного сообщества, являющегося в сложившихся условиях, пожалуй, наиболее компетентным и ответственным субъектом социального процесса. А поэтому до широкого общественного обсуждения необходимо всесторонне проанализировать проблему (которую, честно говоря, мы до сих пор замалчивали) в научной среде.

В основе научного анализа социальных реалий всегда лежит некая априорная теоретическая конструкция, которая служит исходным критерием для оценки данной реальности, а затем меняется или уточняется по итогам исследования. В данном случае нам нужна *идеальная* (в смысле — предельно желательная) *модель правовой десоциализации общенародной собственности*. С позиций наиболее теоретически последовательного, на мой взгляд, понимания права как формы и меры свободы в общественной жизни, определяемой на началах формального равенства, в юридической науке предложена теоретическая конструкция, опирающаяся на следующие положения.

1. *Идея десоциализации социалистической собственности путем ее приватизации изначально имела неправовой характер*, поскольку это общественное (а вовсе не государственное!) достояние не может быть передано отдельным частным (то есть не всем, а некоторым) лицам.

2. Общенародный характер социалистической собственности означает, что все мы — наследники этой собственности в равной мере и с равным правом. И за каждым гражданином должно быть признано *право на равную долю во всей десоциализуемой собственности*, то есть право на индивидуализированную (но не частную, потому что она есть у каждого) гражданскую собственность.

Речь, разумеется, идет не о физическом делении поровну самих объектов собственности, а о применении юридической конструкции равнодолевой собственности, которая передается в аренду, то есть во владение и пользование того лица, которое решит стать хозяйствующим субъектом. В такой конструкции гражданская собственность — это приращенная и неотчуждаемая доля в том социалистическом наследстве, которое сложилось в результате насильственного обобществления средств производства, а затем было сохранено

и упрочено трудом нескольких поколений советских людей. Помимо этого, каждый может сколь угодно наращивать свою собственность в рамках рыночных отношений. По мнению автора этой идеи — В. С. Нерсисянца, общество, где все граждане имеют прирожденное и неотчуждаемое право на определенный минимум собственности, — это новый тип общественного устройства (*цивилизм*), представляющий собой диалектический синтез капитализма как общества, основанного на частной собственности (которая по природе своей может быть лишь у некоторых, но не у всех), и социализма, отрицающего частную собственность.

Подобные идеи не могли быть реализованы в постсоветской России, что стало ясно уже после первого этапа массовой приватизации, в результате которого заметно поубавился романтический подъем, связанный с крахом социализма. А последующее развитие событий обнажило такие неожиданные характеристики российского общества, которые еще предстоит осмыслить. Однако все это, разумеется, не снижает критериального значения рассматриваемой правовой конструкции для оценки предстоящего нам общественного договора между большинством членов общества, лишенным собственности на средства производства, меньшинством, получившим собственность

по итогам приватизации, и государством, выступающим в двух своих ипостасях — в качестве собственника огосударственных объектов социалистической собственности и в качестве публичной власти. Без такого договора, который смог бы в достаточной степени легитимировать собственность путем корректировки итогов приватизации, трудно рассчитывать на возможность нормального экономического и правового развития России.

А в общеисторическом масштабе концепция общественного строя с неотчуждаемым минимумом индивидуальной собственности — это возможный вариант решения актуальной задачи, которую И. Валлерстайн (один из наиболее авторитетных современных критиков капитализма как неэгалитарной социальной системы) обозначил так: «Наша задача сегодня, и на ближайшие пятьдесят лет, — задача утопистики. Это задача — представить себе и, преодолевая преграды, попытаться создать <...> новый социальный порядок. <...> Мы должны вступить в громадный всемирный мультилог, ибо решения никоим образом не очевидны. И те, кто желает продолжать настоящее под другими личинами, очень сильны. <...> Пусть это будет конец ложной современности и начало, впервые, истинной современности освобождения»¹.

¹ Валлерстайн И. После либерализма М., 2003. URL: <http://nashol.com/2012062865855/posle-liberalizma-vallerstain-i-2003.html> (Гл. 7 : Конец какой современности?).